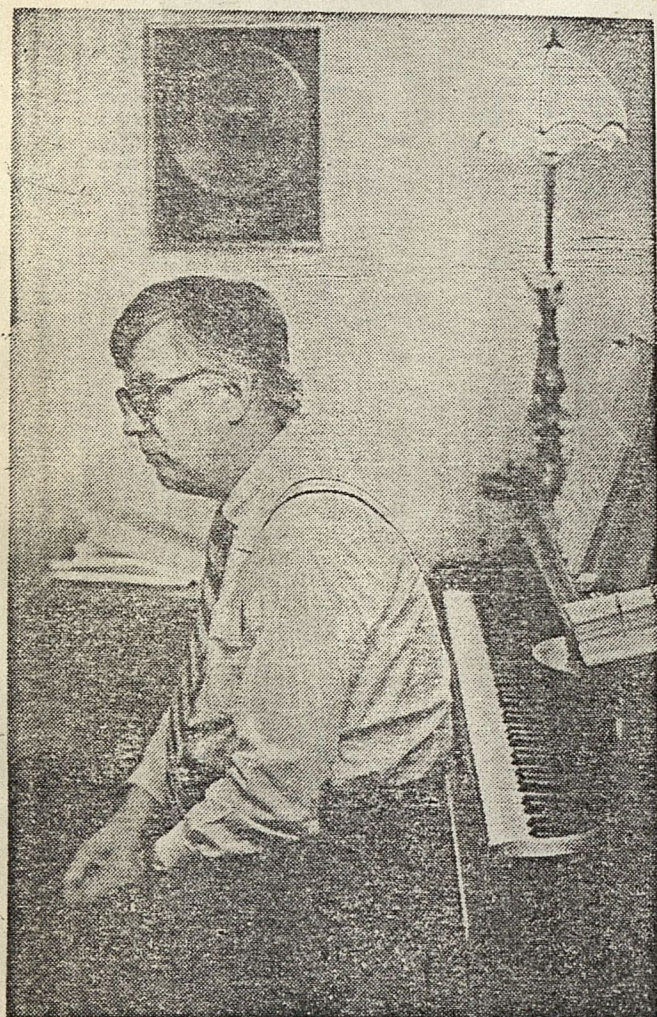

Раймонд
ПАУЛС:

ПО СЕГОДНЯШНИМ МЕРКАМ Я НИЩИЙ

Мне интересно было поговорить с «вечно хмурым маэстро из Риги» о нашей жизни. Без труда узнав номер его домашнего телефона, я сняла трубку и набрала номер. «Я согласен», — услышала я на том конце провода знакомый голос с акцентом. Договорились мы на «завтра».

Я НИЩИЙ

ВНЕ
АМПУЛА

— Господин Паулс! Зрители привыкли вас видеть на сцене, за роялем. Они вместе с вами радуются вашим успехам, огорчаются неудачам. И мне почему-то кажется, что людям было бы интересно узнать, какой вы в жизни, так сказать, вне ампулы. Быть может, можно приоткрыть завесу личной жизни и поговорить о вашей семье?

— К сожалению, у меня очень маленькая семья — я, жена, дочь и внучка. Теперь, спустя годы, я думаю, что в наше время надо было бы побольше детей рождать. Внучке скоро три годика будет. Совсем крохотуля.

— Наверное, дедушка мечтает, чтобы она пошла по его стопам?

— Знаете, обычно говорят, что если глава семьи — музыкант, значит, и все в семье должны быть музыкантами. Я был категорически против этого. Никогда до более ничего не навязывал и внучке тем более не буду. Хотя здесь я уже не хозяин. Пусть родители решают. Просто, чтобы она занималась в каком-нибудь детском музыкальном коллективе. Но у нее такой воинственный характер...

— А чем занимается ваша дочь?

— В данный момент воспитанием ребенка. До этого работала на Латвийском телевидении. Теперь думаю, что туда она уже не вернется. Она прекрасно знает иностранные языки и, наверное, будет работать в системе МИДА.

— А сами вы из какой семьи?

— Из самой обыкновенной — рабочей. Отец — слесарь, мама была домохозяйкой. Мои родители всю свою жизнь боролись за существование. И что самое главное, несмотря на то, они уделяли очень много внимания мне и моей сестре. И добились своего. Я — музыкант, сестра — известнейший художник по гобелену.

— Можно сказать, что сбылось то, о чем вы мечтали в детстве?

— Если честно, то я о таком вообще не мечтал. Да и музыкой не очень-то хотел заниматься. «Виноваты» родители, за что им огромное спасибо. Быть может, я мог бы жить и по-другому. А с другой стороны, я ни о чем не жалею.

— Как вы думаете, какой у вас характер?

— Плохой. Я очень требовательный, злой. Человек настроения. Не люблю дилетантов — таких людей, к сожалению,

в мире искусства очень много. Они долгое время использовали политическую ситуацию, идеологию в свою пользу. Бороться с ними очень тяжело. Таких людей я ненавижу. С большим уважением отношусь к талантливым людям. Которые умеют и любят работать.

— Что такое талант в вашем представлении?

— В моем представлении... Это трудно объяснить. Скажу так: талант — это умение взять человека в свои руки. Если певец поет на сцене и делает это так, что меня захватывает, — вот это и есть талант.

— Вы в свое время открыли людей, которые благодаря вам стали знаменитыми, а кому-то помогли показать свой талант в ином ракурсе. Они как-то помнят об этом?

— Кто-то помнит. Но большинство — нет. Впрочем, я ничего и не требую от них. Я их тоже забыл. Хотя никого и своим врагом не считаю. Была ситуация, когда они мне тоже здорово помогли.

— Вас очень часто называют «вечно хмурым маэстро из Риги». Это действительно так?

— (Смеется). Вы же видите... Думаю, что это сильное преувеличение. Внутри я все-таки добрый человек. Не могу сказать, что я на кого-то зуб имею или кому-то хочу отомстить. Я не такой. Злой-да. Но это чисто творчески. Быть может, это и маска. У всех ведь по-разному. Кто-то все время улыбается, а кто-то и наоборот. Все зависит от характера.

— Как вы отгораживаетесь от всего того, что происходит в нашей жизни?

— Если бы это было так, тогда бы я сказал вам, что занят. И не стал бы с вами встречаться.

— Я немного о другом: ведь вас, наверное, что-то раздражает, что-то отвлекает... Вы от этого уходите в себя?

— Скорее всего наоборот. Я включаюсь в какую-то свою цепь. Я всю жизнь живу по плану. Хотя и не люблю этого слова. Мне повезло в этой жизни, потому что большинство людей меня поддерживают.

— Вы имеете в виду близких вам людей?

— Будем говорить так — народ. Видимо, люди понимают, что я не веду двойную игру. Она мне не нужна. Как и этот пост мне не нужен. Я состоятельный че-

ловек. Когда я работал композитором и музыкантом, я обеспечил свое существование. Теперь я работаю совсем по другим соображениям.

А поддержка людей мне всегда необходима, как, впрочем, и любому нормальному человеку.

— Что вас больше всего раздражает в жизни?

— Грязь. Мы фактически уничтожили большую часть своего интеллигентского потенциала, своих мозгов... Мы все это сделали планомерно. Всему миру показали, как надо уничтожать все ценное. Я не только говорю о Латвии. Это и в России, и в других — бывших союзных — республиках. Безжалостно уничтожили культурный слой — самое ценное, что есть в обществе, а теперь сидим и думаем, как спасти положение.

— Давайте немного отвлечемся от грустных тем и поговорим о наиболее приятном. Например, о женщинах. Какую роль

— Видите ли, моя работа всегда давала пищу для разговоров. Что-то вроде того: «Интересно, было ли что-нибудь у Паулса с Пугачевой или нет?»

— Я о другом...

— У меня, как у нормального человека, женщина в жизни играет большую роль. Этого я не могу отрицать. Тем более что, когда я за роялем, у меня всегда успех у женщин.

Своей жене я могу говорить бесконечное множество комплиментов. Она сыграла огромную роль в самом трудном периоде моей жизни. Это был период конца 50-х — начала 60-х годов. Именно тогда я мог оказаться на дне, я был близок к этому. И только благодаря своей жене я выпутался из этой ситуации.

Мы живем с ней тридцать лет. Удивительная женщина. Я бы назвал ее... техническим словом. Это — амортизатор. Я очень нервный, вспыльчивый, а она это все сглаживает.

— А как вы с ней познакомились, помните?

— Я тогда играл. И вот смотрите: я — латыш, она — русская. Приехала сюда — ни одного слова не знала. А теперь лучше меня по-латышски говорит.

— А на каком языке вы разговариваете в кругу семьи?

— Как попадет. И по-русски, и по-латышски. У нас нет национальных вопросов. Возможно, мне повезло. Столько лет вместе. Я ей иногда говорю: «Все, что ты сейчас будешь говорить, я уже наизусть знаю».

— Наверное, у вас в доме все отлажено?

— Да. Обед должен быть во столько-то, ужин тогда-то. График жизни отработан сам по себе. Жена прокладывает мне за то, что я сижу в министерстве...

— Мне кажется, что вам было бы уютнее сидеть в другом кресле...

— С одной стороны — мы сделали много хорошего, а с другой стороны — масса проблем.

— Скажите, а были ли у вас в семье стрессовые ситуации, крупные ссоры?

— Не было.

— Могли бы представить другую женщину на месте своей жены?

— Нет. Я не могу себе представить, чтобы в моем отработанном жизненном ритме появилось бы что-то новое. Не могу. Я бы себя тогда чувствовал неуютно.

— Вы сказали, что вы состоятельный человек. Если я правильно вас поняла, у вас есть все, о чем может мечтать нормальный человек.

— (Смеется). По сегодняшним меркам я — нищий. По сравнению с кооператорами и их деньгами... Я всегда жил скромно, и мне хватало. У меня есть и частный дом, и машина. Но мне кажется, что это нормальная ситуация. Я всё зарабатывал адским трудом. Но в том, как это повернулось сегодня, — я нищий. Певца ездит по стадионам и за месяц зарабатывает столько, сколько я, быть может, лет за 5—10 зарабатывал.

— У меня такое впечатление, что сегодня на эстраде творится что-то непонятное...

— Вы правы. Более того, нечто ужасное. Кто из нормальных людей в состоянии смотреть так называемый эстрадный концерт, когда на сцену вышла одна шпана. Вот она и задает тон. Хотя, когда им это ставится в упрек, они отвечают: «Какая жизнь, такая и музыка». Я пытаюсь не вмешиваться в это, а с другой стороны, прекрасно вижу, насколько низок профессиональный уровень. Можно простить прекрасному певцу и музыканту, что он выходит на сцену в каких угодно брюках. Да хоть вообще без брюк — это его дело. Но если ты еще и петь-то не умеешь... Тогда идет, простите, вульгарная подворотня — хорошее русское слово, в латышском языке его нет. Скажите на милость, зачем это выпустили на сцену?.. А потом заканчивается тем, что они стреляют друг в друга. Дошло до того, что каждый ходит с телохранителями. А что ты в принципе стоишь, чтоб тебя охранять? Ничего.

— Не кажется ли вам, что происходит деградация зрителя?

— Полная.

— Мне становится порой страшно за наших молодых девочек и ребят, когда я думаю, что же с ними будет дальше.

— А мне вообще страшно с ними разговаривать. Страшно и стыдно. Когда он раскрывает рот, я понимаю, что ему и сказать-то нечего. И особенно стыдно, когда девочки открывают рот...

— Есть ли, на ваш взгляд, какой-нибудь выход из тупиковой ситуации?

— Рушились империи... Должно пройти какое-то время: что-то пройдет, что-то умрет. Но все равно я думаю, что люди должны контролировать ситуацию. Все эти национальные распри, войны — на мой взгляд, это результат низкого культурного уровня. Нет мозгов. Возьмите Россию. Ведь до революции была же интеллигенция. Нужно было только направить в нужную сторону. А направили-то совсем в другую. Поверни в нормальную сторону, я уверен, что сегодня Россия была бы суперстраной.

— Можно узнать, кто вы по гороскопу?

— Вы знаете, я странный человек. Не знаю. Я не слежу за этим делом. И ко всему подобному отношусь очень осторожно.

— Но талисман-то у вас есть или вы тоже этому не доверяете?

— Я доверяю только своей голове и рукам. Пока еще они действуют. Не скрою, что сейчас и для меня очень тяжелый период. Надо иметь большую выдержку, чтобы вот так смотреть со стороны. Вся трагедия в том, что я все это уже прошел. Я прекрасно вижу людей, кто именно что хочет сделать. Вижу, как много крутится вокруг авантюристов. Сейчас для них золотое время.

Есть деньги, они бросают их направо и налево. Все покупается, но с этим ничего нельзя поделать. Культура все равно зависит от денег. Всегда цари заказывали портреты. И только гениям... Нам сейчас нельзя впадать в депрессию, иначе будет полный конец. Я готов еще действовать.

— Верите ли вы в судьбу?

— Верю. Только, знаете, к одному она может повернуться лицом, а к другому... другим местом.

— А к вам она каким местом повернулась?

— Лицом. Пока. И дай Бог.

Беседовала Лада АКИМОВА.

Фото Павла Кассина.